

Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области
«Архангельская областная научная ордена “Знак Почета”
библиотека имени Н. А. Добролюбова»

Центр культурных и просветительских программ

Региональный центр книги

Семейная сага Виктора Астафьева

Беседа

Архангельск
2024

УДК 021.4+027.02

ББК 78.374.3+78.373.8:83.3+83.3(2Рос=Рус)6-8Астафьев В.П.,4

С 301

Составитель:

Титова Галина Павловна, заведующий сектором «Региональный центр книги» отдела «Центр культурных и просветительских программ» Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова

Дизайн презентации: Антипина Марина Владимировна, главный библиотекарь отдела «Центр культурных и просветительских программ» Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова

- Семейная сага Виктора Астафьева** : беседа [электронное издание] / С 301 Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области «Архангельская областная научная ордена “Знак Почета” библиотека имени Н. А. Добролюбова», Центр культурных и просветительских программ, Региональный центр книги ; Г. П. Титова ; дизайн презентации: М. В. Антипина. — Архангельск, 2024. — 12 с.

Беседа познакомит с детством и юностью Виктора Астафьева, родными и близкими ему людьми, о которых он рассказал на страницах повести «Последний поклон». Как писал критик Валентин Курбатов, «всех он собрал в этой поместительной, как хорошая изба, книге, чтобы согреться возле них и поблагодарить жизнь за то, что у него и в сиротстве была крепкая семья, древо рода, где он был не чужой ветвью». Это четыре поколения рода писателя, настоящая семейная сага, которая описывает представителей двух очень разных крестьянских семей, жизнь которых во многом определила история страны.

Сопровождается демонстрационным материалом.

УДК 021.4+027.02

ББК 78.374.3+78.373.8:83.3+83.3(2Рос=Рус)6-8Астафьев В.П.,4

© ГБУК АО «Архангельская областная научная библиотека имени Н. А. Добролюбова», 2024

Слайд 1. Заставка «День с Астафьевым»

Слайд 2. Заголовок

Слайд 3

Большой друг писателя критик Валентин Курбатов писал: «Редкого старика можно представить мальчишкой. В Астафьеве этот мальчишка легко проглядывал. Не зря бабушка Катя строжилась: «Витька, учись хорошеньче — в десятники выйдешь або в учителя!» Бабушкины строгости хоть как-то направляли бунташный характер. Безоглядная искренность часто вызывала вокруг него борения и сражения. Он мог говорить и властям, и народу, а сгоряча — и ближним своим самые жесткие вещи. Неудержимость какая-то шла у него от сердца. И в этом прямодушии сквозило что-то отчаянное, он словно весь открывался — так в мальчишеской драке открывается заводила, отвлекая наседающих противников от более слабых своих товарищей: мол, давайте на меня, бейте, вот он я...»

Слайд 4

Моя биография — это кладезь, который едва ли за жизнь вычерпаешь. Она и должна быть источником дальнейших трудов. Думал я, думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне, стараясь не особо-то унижать и не до небес возвышать их словом. Они были интересны мне и любимы мной такими, какие есть на самом деле, и жизнь их обыкновенная была привлекательней всех выдуманных... Вот и начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своем детстве, о селе родном и его обитателях, ни с какой стороны не годных в литературные герои той поры. Первоначально цикл рассказов назывался «Страницы детства». И чудесный эпиграф Кайсына Кулиева со сладкой грустью предварял его: «Мир детства, с ним навечно расставанье, назад ни тропок нету, ни следа, тот мир далек, и лишь воспоминанья все чаще возвращают нас туда». Рассказы писались легко, быстро, радуя сердце.

Слайд 5

С 1960 года на страницах журналов и в сборниках стали появляться рассказы Астафьева: «Зорькина песня», «Гуси в полынье», «По сено», «Конь с розовой гривой», «Далекая и близкая сказка», «Деревья растут для всех». Позже почти все они вошли в первое издание книги «Последний поклон». Она была издана в Перми в 1968 году и включала всего 15 рассказов. Книгу оформили пермские художники Алексей и Вера Мотовиловы. Их работами в книге начинается каждый из рассказов. «Книга “Последний поклон” была замечена в столице, благосклонно встречена критикой. Пошла хвалебная почта, которую я, конечно же, читал с большим удовольствием и млел еще не надорванным, горячим сердцем... И вообще мне надо писать больше о ребятах. Моя стихия — быт, семья, ребятишки. Пишу с удовольствием, даже с наслаждением и на этих вещах “отдыхаю”».

Слайд 6

Всякий писатель, и я тоже, по своей природе выдумщик, сочинитель... как и во всяком сочинении, есть в повести и домысел, и вымысел, авторская фантазия, реальные персонажи соседствуют иногда с никогда на свете не жившими, возникшими из воображения. Так что даже в «Последнем поклоне» я — это я; бабушка Катерина Петровна — реальная моя бабушка, и мама с папой, и дед Павел, и бабушка из Сисима Мария Егоровна — все из моей реальной жизни, хотя как литературные персонажи в чём-то добавленные и доправленные. А уж семейство дяди Левонтия — соседей Потылицыных — это мой чистый вымысел, и, если они вышли у меня реальными людьми и повесть в целом состоялась — не зря, значит, бумагу мараем.

Слайд 7

Валентин Курбатов отмечал: «Всех он собрал в этой поместительной, как хорошая изба, книге, чтобы согреться возле них и поблагодарить жизнь за то, что у него и в сиротстве была крепкая семья, древо рода, где он был не чужой ветвью. Благодаря всем своим дядьям, теткам, племянникам и двоюродным братьям, он теперь вполне знает, что родина — это род, родные люди на родимой земле». Страницы «Последнего поклона» запечатлели не только людей, но и саму Овсянку, ее дома и улицы; здания, которые сохранились до нашего времени и которых больше нет.

Слайд 8

Родственников всего оказалось 63, в том числе 20 — по отцовской линии, 43 — по материнской. Это четыре поколения рода писателя, настоящая семейная сага, которая описывает две очень разных крестьянских семьи: трудовой род Потылицыных (бабушки Катерины и дедушки Ильи) и гулевой бесшабашный род прадеда, деда, отца Мазовых (Астафьевых). Хронологические рамки родословной охватывают 30-е годы XIX века — 90-е годы XX века, т. е. период примерно в сто шестьдесят лет. Более подробно описана жизнь семьи в 30-е годы прошлого столетия — время великого перелома русской деревни, которое имело самые трагические последствия как для рода Астафьевых, так и для всей страны в целом. Два сквозных главных героя рассказов «Последнего поклона» — бабушка по линии матери, Катерина Петровна Потылицына, и ее внук Витя, будущий писатель Виктор Петрович Астафьев.

Слайд 9

История создания повести В. П. Астафьева «Последний поклон» насчитывает более тридцати лет — в последующих изданиях книги в 70–90-х количество рассказов увеличивается — от 15 до 32. Заветная книга, как ее называл Астафьев, летопись, охватившая все периоды жизни автора на фоне драматических исторических событий страны и до возвращения к родовым корням. Но и с изданием трех книг «Последнего поклона» в 2 томах в 1989 году авторский замысел не был завершен: «...одолел я и третью часть книги, хотя чувствую и заранее знаю, что работа не завершена и хватит ее мне на всю жизнь. И последнюю точку... ставить придется уже не мне, а тому и тем, кто последует за мною».

Слайд 10

Начало повествования — рассказ «Далекая и близкая сказка. Вместо вступления» о Васе-поляке, человеке, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней, о чудесной музыке, скрипке, впервые услышанной маленьким героем. «Музыка льется тише, прозрачней, слышу я, и у меня отпускает сердце. И не музыка это, а ключ течет из-под горы. Кто-то припал к воде губами, пьет, пьет и не может напиться — так иссохло у него во рту и внутри». Этот рассказ всегда будет стоять во главе текста от начала до конца процесса рождения книги.

Слайд 11

Родился Виктор Петрович Астафьев 1 мая 1924 года. В письме к другу шутливо замечал, что «подходит мой праздник, 1 мая. Я называю его моим потому, что он трижды мой. Во-первых, весна, во-вторых, на 1 мая мой день рождения, в-третьих, просто праздник». «Дом мой стоит на горе Гремячей. Гора по имени речки названа, что начинается в горах и течет по этому хребту. Это высокая гора, внизу Енисей. За Енисеем знаменитый сибирский заповедник Столбы. Вот какое красивое у нас место. Выше по Енисею, километров пятнадцать, моя родная деревня. Она называется Овсянка». Рассказы «Последнего поклона» объединяют реально существующие приметы местности, в которой происходит действие. Это скала Караульный бык; Енисей, малые впадающие в него реки: Караулка и Фокинская речка, пересекающая деревню пополам; другие речки приенисейской деревушки: Майская, Мана, Малая и большая Слизневка.

Слайд 12

По деревенскому преданию, мой прадед Яков Максимович Астафьев (Мазов) пришел в Сибирь из Каргопольского уезда Архангельской губернии со слепой бабушкой поводырем. Его здесь называли Мазовым, а всё его потомство, и меня в том числе, звали Мазовскими. Он освоил мельничное дело, которое продолжил его сын Яков, семья росла, дом был шумный, бестолковый. Дед женил старшего сына Петра на Потылицыной Лидии Ильиничне. «Маму, работницу из большой трудовой и крепкой семьи, дед уважал и всю жизнь вспоминал с почтением и виновностью перед нею. Он как-то уломал попа окрестить меня многозвучным, модно-городским именем. Я был первым на всю деревню Виктором. В компаниях отец ее ревновал... и шингал всё время, то есть щипал и толкал локтем. И дощипался до того, что однажды мама моя, человек твердого характера, сгребла мужа в беремя и потащила его топить в Енисей. Несколько раз мама уходила из дома Мазовых, но ... начинала жалеть мазовских ребятишек, необхожденную скотину, да и папу, видать, любила на горе свое и беду, вот и возвращалась».

Слайд 13

Ход истории во многом определил жизнь героев. Особенно это относится к раскулачиванию, предшествовавшему кампании политических репрессий. Семья Вити в рассказе «Ангел-хранитель» тоже стала жертвой этих событий: «В тридцать третьем году наше село придавило голодом. Замолкли песни, заглохли свадьбы и гулянки, притихли собаки, не стало голубей. Шумные ватаги ребятишек не сыпались на санках с яра, скотина во дворах ревела под ножом, кони начали падать среди улиц. Сразу захмурили и вроде бы состарились дома. Углы у них были, как челюсти у голодных людей, сухи и костлявы». В 1931 году были арестованы дед и отец Виктора. Перед арестом была тяжелая высылка из дома, из «разоренного села, в котором из 250 домов после завершения коллективизации осталось 85, остальные были сведены с земли, растасканы на дрова, сожжены ради потехи, но большей частью уплавлены со всем скарбом, иногда и с разобранной печью в Красноярск».

Слайд 14

Раскулаченных и подкулачников выкинули вон глухой осенью, стало быть, в самую подходящую для гибели пору. И будь тогдашние времена похожими на нынешние, все семьи тут же и примерли бы. Но родство и землячество тогда большой силой были, родственники дальние, близкие, соседи, кумовья и сватовья, страхась угроз и наветов, всё же подобрали детей, в первую голову грудных, затем из бань, стоек, амбаров и чердаков собрали матерей, беременных женщин, стариков, больных людей, за ними «незаметно» и всех остальных разобрали по домам.

Слайд 15

«Бабушка из Сисима, Мария Егоровна, жена деда, со всей оравой попала на пересылку в Николаевку. Там, неподалеку от кладбища, на пустыре был огорожен колючей проволокой загон, в котором томились тысячи семей спецпереселенцев. В загоне не было никаких построек, даже нужников не было. Люди растоптали, размесили загон, скоро тут началась дизентерия, подкрадывались и другие страшные болезни, которые преследовали и преследуют скученных, обездоленных людей. И вот избавление от нечаянного концлагеря — везут, на север, строить новый порт Игарку. Во главе мазовской оравы, где нет ни одного трудоспособного человека, и таких семей здесь большинство, — Мария Егоровна». Судьба Марии Егоровны и детей Мазовых описана в «Последнем поклоне», «Краже», в рассказах. Одним из первых Астафьев упомянул в печати о «голодном» 1933 годе.

Слайд 16

В 1931 году семью нашу постигла еще одна, всю нашу жизнь потрясшая трагедия: плывя с передачей в Красноярск, где в тюрьме сидел отец, мама моя, Лидия Ильинична, утонула прямо напротив деревни. В рассказе «Конь с розовой гривой» описано страшное горе бабушки Катерины. «Когда утонула мама, бабушка не уходила с берега, ни унести, ни уговорить ее всем миром не могли. Она всё кликала и звала маму, бросала в реку крошки хлебushка, серебрушки, лоскутки, вырывала из головы волосы, завязывала их вокруг пальца и пускала по течению, надеясь задобрить реку, умиловить Господа». Вскоре деду тюрьму заменили ссылкой в Игарку, а отца осудили на пять лет и отправили на строительство Беломорканала. Осиротевший семилетний Витя остался жить со своими бабушкой Катериной Петровной и дедушкой Ильей Евграфовичем.

Слайд 17

Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот долдоним: дети — счастье, дети — радость, дети — свет в окошке! Но дети — это еще и мука наша! Вечная наша тревога! Дети — это наш суд на миру, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу — всё наголо видать. Дети могут нами закрыться, мы ими — никогда. И еще: какие бы они ни были, большие, умные, сильные, они всегда нуждаются в нашей защите и помощи. И как подумаешь: вот скоро умирать, а они тут останутся одни, кто их, кроме отца и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъянами? Кто поймет? Простит?

Слайд 18

В семье бабушки прошла лучшая пора его жизни. «Бабушка выучила меня считать до ста, и считал я всё, что поддавалось счету. Наше деревенское детство было богато впечатлениями... очень мы много играли во всякие игры, с утра до вечера играли. И с ранней весны, когда появлялись проталины, мы уже что-то добывали себе на пропитание... Я в детстве, например, яблока не видал. Нам дяденька привез мелкие яблоки. Мы ели, думали, лучше не бывает. И были счастливы. Я выиграл на олимпиаде коробку конфет. Ребята разделили, мне достался небольшой кусочек. Радости было много. Так что счастье — понятие относительное. Если бы дано мне было повторить жизнь сначала, я выбрал бы ту же самую, насыщенную событиями, радостями, победами и поражениями. Они помогают обостренней видеть мир и глубоко чувствовать доброту. Лишь одно хотел бы я изменить: попросил бы судьбу оставить со мной маму».

Слайд 19

В ставшем уже классическим рассказе «Конь с розовой гривой» читатель сразу чувствует красочность и сочность астафьевского слова, непременно для многих его произведений иронию, стороннюю усмешку, ненавязчивую назидательность. В завязке рассказа Витя вместе с «левонтьевскими ребяташками» отправляется «на увал по землянику», после продажи которой бабушка обещает внуку купить «пряник конем». «Это мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые». После того как Витька признается, что он получит за свой труд, «левонтьевский орел» Санька «что-то смекнул» и начал провокацию.

Слайд 20

Левонтьевские ребята свои ягоды съели, Санька подговорил Витю сделать то же самое и вдобавок натолкать в туесок травы, а сверху положить ягод. Бабушка уехала, ничего не заподозрив. «Что только будет! «И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских? Вон как хорошо было жить. Ходи, бегай, играй и ни о чем не думай. А теперь что? Надеяться теперь не на что. Разве что на нечаянное какое избавление. Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет уж, лучше пусть не опрокидывается. Мама утонула. Чего хорошего?»

Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому». Бабушка вернулась усталая, держалась с внуком холодно, но за ужином отругала. «Содрогаясь от всё еще не прошедших всхлипов, я прилепился к столу. И срамила же меня бабушка! И обличала же! «Он уж мошенничат! Чё потом из него будет? Жиган будет! Вечный арестант! Я вот еще левонтьевских, пятнай их, в оборот возьму! Это ихняя грамота!»

Слайд 21

«Только теперь, поняв до конца, в какую бездонную пропасть ввергло меня плутовство и на какую «кривую дорожку» оно меня еще уведет, коли я так рано взялся шаромыжничать, коли за лихим людом потянулся на разбой, я уж заревел, не просто раскаинаясь, а испугавшись, что пропал, что ни прощенья, ни возврата нету». И вдруг! «По скобленому кухонному столу, будто по огромной земле, с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах, скакал белый конь с розовой гривой. — Бери, бери, чё смотришь? Глядишь, зато еще когда омманешь баушку... Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой».

Слайд 22

В рассказе «Монах в новых штанах» Вите почти 8 лет, он весь в ожидании праздника, совпавшего с днем рождения. «Штанов с карманом, да еще новых, у меня никогда не бывало. Мне всё перешивают старое. Мешок покрасят и перешьют, бабью юбку, вышедшую из носки, или еще чего-нибудь. И вот, счастье — бабушка сшила ему новые штаны и дала сапоги «с новыми союзками» (*передняя часть обуви, место, которое наиболее подвержено износу*). В день рождения внук явился к деду на заимку в новых штанах. Левонтьевский Санька, помогавший деду, встретил его «подстриженный дедушкой, в заштопанных штанах и рубахе... тоже починенных дедушкой. «Санька есть Санька! ...Еще и здравствуй не сказал, но уж огорошил меня: — Монах в новых штанах! Завидно стало Саньке — сам-то он сроду не нашивал новых штанов, а сапоги да еще с новыми союзками — и во сне ему не снились». Санька заманивает Витю в западню. Тот увязает в болотной трясине и, понимая, что может утонуть, отказывается от помощи своего «погубителя», ставит его в зависимое положение: «Санька завыл, заругался... бросился выдергивать меня из грязи». Конечно, новые штаны были погублены, а сапоги остались в болоте.

Слайд 23

В рассказе «Ночь темная-темная» инициатором приключения выступает уже Витя. С Санькой и двоюродным братом Алешей они отправляются на остров, где «налимов что грязи». Дети уплывают, ничего не сказав взрослым; берут «худую лодку, чтобы не так скоро ее хватились»; дело происходит весной, в период ледохода, когда вода на реке беспокойная («Гудит Енисей, хлещет...»); они плывут мимо бон, что напоминает Вите о гибели мамы: «Вот в таком же полете не удержалась лодка, споткнулась о головку боны, опрокинулась и... у меня не стало матери». Ребята не справляются с течением, их несет в опасное место — к Караульному быку, а лодка «черпанула бортом», наполнилась водой. Рассказ по сути о взрослении, о ситуации выживания детей на острове в «ночь темную-темную», превращение Вити из подростка в юношу, способного преодолеть собственные страхи, справиться с трудностями.

Слайд 24

В 1978 году в Москве вышло новое издание «Последнего поклона» (издательство «Современник»), где насчитывалось уже 24 рассказа. Время и место действия намного расширились. Исходя из описываемых в рассказах событий разного периода жизни главного героя Вити, автор впервые делит «Последний поклон» на две книги: в одной — 15, в другой 9 рассказов.

Автор осуществляет смысловую перестройку текста, собирая в первую книгу рассказы о детстве, а во вторую — об отрочестве и юности героя, его жизни с отцом и его родней и дальнейшем выходе в жизнь. Во вторую книгу уходят два рассказа: «Где-то гремит война» и «Последний поклон», которые по своему содержанию не вписывались в цикл рассказов о детстве, а на их место в первую книгу ставит новые рассказы о детстве: «Мальчик в белой рубахе» и «Гори, гори ясно».

Слайд 25

В 1932 году Витя пошел в первый класс. Причем овсянская школа 1-й ступени располагалась в доме, срубленном еще его прадедом. «Судьбе было угодно часто шутить надо мною, и, не иначе как в шутку, первоклашкой ходил я в родной дом». В рассказе «Фотография, на которой меня нет» автор говорит о «неслыханном и важном событии» — приезде в деревню из города фотографа, для того чтобы «фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд, алчущий быть увековеченным, а нас, учащихся овсянской школы». Для учеников заманчиво, что они будут главными героями, однако «решение вопроса о распорядке выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики сядут впереди, средние — в середине, плохие назад». Проиграв бой за место на фотографии, Витька с Санькой пошли кататься с обрыва; потом Витя заболел и в долгожданный день не смог пойти в школу для участия в фотосъемке. И Санька, хулиган, завистник, шантажист и вечный искуситель Вити, совершает удивительно великодушный поступок: «...Раз так, я тоже не пойду! Всё!»

Слайд 26

Детство в книге разное, радостное и горестное, многоликое, бесконечно важное для всей последующей жизни, но главное — неповторимое: «Много в детстве было такого, что потом не встречалось больше и не повторялось, к сожалению». В. Астафьев воссоздает и свое собственное детство, и детство деревенских ребят, в котором сочетаются вера в сказочных существ (домовых, леших и иную нечисть), тяга к необычному, волшебному и стремление к самостоятельности.

Слайд 27. Фрагмент фильма «Где-то гремит война»

Слайд 28

В 1934 году вернувшийся из заключения отец женился вновь. Петр Павлович устроился в сплавленную контору и вместе с семьей переехал на лесозаготовку Сосновка, в верховья реки Маны. Виктора забрал с собой — в помощники. Семья пережила здесь жуткую зиму. Вите пришлось прервать учебу, поскольку нигде поблизости школы не было. «Вскоре отец заболел. Чтобы как-то меня занять, отыскивали несколько книг. Но детская оказалась только одна — «Робинзон Крузо» — затрепанная, без начала и конца. Всю зиму читал ее по складам. Но именно она стала первой моей настоящей книгой, которую сам прочел. Помню до сих пор тот ужас, который охватил меня в эпизоде, где описано появление на острове людоедов. Как-то, ближе к весне, получил от кого-то из мужиков, появлявшихся в поселке, в подарок «Рыжика» Свирского и «Школу» Гайдара... И во всех передрыгах меня, пожалуй, вела и спасала книга. Любил читать; читал без разбора и передыха всё, что попадало в руки, дрался из-за книг, даже воровал их, не считая большим грехом. Книги меня всегда спасали от бед, пьянства и привели к литературе».

Слайд 29

В надежде на большие заработки отец вербует в Заполярье. Летом 1935 года 11-летний Витя переезжает вместе с отцом и мачехой в город Игарку. В Игарке была очень насыщенная культурная жизнь. В 1936 году приезжали сюда на гастроли труппы Большого театра СССР и Московского Художественного театра во главе с народной артисткой Верой Пашенной.

Позже был построен театр. Рассказом «Бурундук на кресте», где действие переходит из Овсянки в Игарку, открывается вторая книга «Последнего поклона». Вспоминая ту пору жизни, Виктор Петрович бывал резок, с горечью говорил о страшной жизни, на которую обрек семью его легкомысленный отец. К тому же отношения с новой семьей у него никак не складывались. Мачеха должного внимания ему не уделяла, отца он тоже мало интересовал. С родней более старшей — осевшими в этих местах дедом, бабушкой из Сисима и дядьями, которые в ту пору были чуть старше самого Виктора, он тоже не нашел контакта.

Слайд 30

В Игарке Витя окончил начальную школу, а вот осенью 1936 года, когда надо было учиться в пятом классе, с ним случилась беда: ненужный мачехе, отношения с которой так и не сложились, и отцу, остался он один. По сути дела, брошенный семьей, мальчик фактически оказался на улице, учился кое-как, жил где попало и до марта 1937 года беспризорничал, пока не был сдан в детский дом. «В Игарке были морозы по 50–60 градусов. (Помню самый большой мороз 62 градуса). Только беспризорничать в Игарке было тяжело, в Крыму лучше. А так можно существовать. Я всё это извещал, всё прошел». В подростковом возрасте всё воспринималось особенно остро и напряженно. «Ох, какое это тяжкое дело быть беспризорным. Не дай Бог познать эту горькую долю, полную неприкаянности, постоянного гнетущего чувства одиночества, покинутости. В главах «Без приюта» и «Карасиная погибель» речь идет о дальнейшей жизни Вити в Игарке, о его военной и послевоенной жизни.

Слайд 31

Детский дом Виктор вспоминал с большой теплотой. Именно в нем он встретил людей, которые довольно сильно повлияли на его отношение к жизни, к самому себе, своему будущему. «Игарка далась мне тяжело, но и дала немало... Там я впервые услышал, например, радио, патефон, духовой оркестр, пианино, прокатился на велосипеде. Впервые увидел полярное сияние, оленей, нарты, испытал себя на собачьей упряжке. Мне шел пятнадцатый год... я был озорным и бесшабашным подростком, любил читать книги, петь, болтать, выдумывать, хохотать и кататься на лыжах. За исполнение песен на районной олимпиаде меня премировали финскими лыжами». Наконец, именно в Игарке, в газете «Большевик Заполярья», опубликовали его четверостишие, и здесь он написал свой первый рассказ «Жив», который учитель литературы Игнатий Дмитриевич Рождественский поместил в школьный рукописный журнал. Витя решил описать случай, когда он почти четверо с половиной суток блуждал в заполярной тайге. На основе этого текста автор позже написал «Васюткино озеро».

Слайд 32

В Игарке очень много и жадно читали. И хотя был всесоюзный клич по сбору книг для Игарки, их всё равно не хватало. Тогда возникли во многих школах литературные кружки, повсюду стали издаваться рукописные журналы, для которых сами ребята придумывали названия, сами писали в них стихи, заметки, рассказы и очерки. Повесть «Кража», — писал Астафьев, — о жизни нашего класса и нас в те годы». Тяга к коллективному творческому труду и послужила толчком для создания книги «Мы из Игарки». Намерения ребят написать книгу о себе и о своем заполярном городе поддержали письмами Максим Горький, Ромен Роллан... Астафьев писал: «В книжку “Мы из Игарки” я не попал по чистой случайности. Материалов набралось тьма, и отбор был жесточайший. За фамилией В. Астафьев поставили один материал и посчитали — хватит, два, мол, жирно будет. А это был мой однофамилец, совсем из другой школы — Вася Астафьев».

Слайд 33

Конечно, имели значение и обстоятельства севера. Длинная зима, город, заваленный снегом. Жили от парохода до парохода, то есть от июня одного года до июня другого. Самолеты летали только почтовые, связи с Большой землей нет. А специфика северных школ в тридцатые — опытные учителя из числа ссыльных. «Выживали вместе. Ребятишки и взрослые в школе весь день были увлечены каким-нибудь творчеством. Шутка ли, даже фотодело желающие осваивали. Впервые тогда я переступил порог Дворца пионеров... там была масса кружков, в том числе и драматический, в котором я играл в пьесе Фонвизина “Недоросль”. Играл, говорят, здорово, некоторые до сих пор помнят. Кроме того, можно было и пилить, и строгать, и музыке учиться».

Слайд 34

Учиться нам стало интересно, и вконец разболтавшиеся, кровь из учителей почти до капли выпившие второгодники и третьегодники... подтянулись и принялись учиться подходяще и по другим предметам. По поручительству Рождественского меня из пятого в шестой класс пересадили. Стал налегать, стараться. Учителя это заметили и, видя мое желание «выпутаться», начали помогать, тянуть. Ну и вытянули и в геометрии, и в физике меня на «тройки». Шестой класс я закончил. Вот и получается, что по-настоящему я учился только в первом и шестом классе. И там, и там, как полагается, по году. В остальных классах сиживал по два года, потому и освоил за десять лет всего лишь шесть классов.

Слайд 35

Виктор закончил шестой класс, но далее уже учиться ему не довелось, ибо детдомовский возраст кончился — 1 мая 1941 года ему исполнилось 17 лет. «Я должен был начинать самостоятельную жизнь, кормить и одевать сам себя, думать о дальнейшей судьбе». Вскоре он поступил на кирпичный завод коновозчиком, подвозил с лесозавода отходы к топкам. Главной его целью стало — заработать денег на пароходный билет, выехать на магистраль и попробовать там поступить в какое-либо училище.

Слайд 36

В начале войны Виктор Астафьев приезжает в Красноярск и в сентябре поступает учиться в железнодорожную школу (ФЗО № 1) на станции Енисей. В июне 1942 года, получив специальность «составитель поездов», он был направлен на станцию Базаиха, где проработал четыре месяца. «Что делается вокруг? Зима. Голодуха. Драки на базарах. Втиснутые в далекий сибирский город эвакуированные, сбитые с нормальной жизненной колеи, нервные, напуганные, полураздетые люди, стиснув зубы, преодолевают военную напасть, ставят заводы, куют, точат, пилят, водят составы, крутят руль, кормят себя и детей. И, как нарочно, как на грех, трещат невиданные морозы... Всегда думал, что война — это бой, стрельба, рукопашная, но там, где-то далеко-далеко. А она вон как — везде и всюду, по всей земле моей ходуном ходит, всех к борьбе за жизнь требует и ко всякому своим обликом поворачивается».

Слайд 37

В повести «Где-то гремит война» много воспоминаний о военной деревне, семье тети Августы, которая получила похоронку и «потянет тяжелый свой воз дальше, одолевая метр за метром многими русскими бабами утопанную вдовью путь-дорогу. Но каким-то наитием, шестым или десятым чувством, там, в ночной остановившейся тайге, я постиг — война будет долгой, и на долю нашего народа, стало быть, прежде всего на женскую долю падут такие тяжести, какие только нашим русским бабам и посильны. Пройдет время, и «тетка, треснуто и безоружно рассмеявшись, сообщит: — А муженька-то я зря оплакивала. Жив-здоров товарищ Петров! Нашел себе помоложе, покраще... — Оказалось, Тимофея Храмова не убили на войне, он подделал похоронную, спрятался от семьи, предал ее.

Но никакое предательство, никакая подлость даром не проходят. Рок то или не рок, судьба то или не судьба, может, и простое совпадение — Храмов все-таки погиб: упал лесопогрузочный кран и задавил его.

Слайд 38

Астафьевскому поколению пришлось пережить два потрясения: военный тыл и фронт. Виктора сразу поставили бригадиром, несмотря на возраст. Тяжелая, опасная работа, как-то простудившись на перегоне, Виктор, если бы его вовремя не довезли до больницы, чуть не умер. Один из поездов был эшелон из блокадного Ленинграда, целый вагон в котором был забит умершими во время следования людьми. Астафьеву и его товарищам поручили их похоронить. Как железнодорожник, Виктор имел бронь. Но именно это событие заставило молодого человека в октябре 1942-го добровольцем попроситься на фронт.

Слайд 39. Фрагмент фильма «Где-то гремит война»

Слайд 40

В рассказах «Последнего поклона» бабушка — самый близкий человек, заботливый, любящий: Умелая, хозяйственная, бескорыстная, добрая, с детских лет не боявшаяся никакой работы. «С малых лет в работе, в труде всё. У тяти и у мамы я семья была да своих десятину подняла... Это легко только сказать. А вырастить?! Но о жалостном она говорила лишь сначала, как бы для запева, потом рассказывала о разных случаях из своей большой жизни. Выходило по ее рассказам так, что радостей в ее жизни было куда больше, чем невзгод. Она не забывала о них и умела замечать их в простой своей и нелегкой жизни. Дети родились — радость. Болели дети, но она их травками да кореньями спасала, и ни один не помер — тоже радость. Обновка себе или детям — радость. Урожай на хлеб хороший — радость. Рыбалка была добычливой — радость. Руку однажды выставила себе на пашне, сама же и вправила, страда как раз была, хлеб убирали, одной рукой жала и косоручкой не сделалась — это ли не радость?»

Слайд 41. Фрагмент фильма «Где-то гремит война»

Слайд 42

Со станции Базаиха я добровольно ушел в армию, угодил сперва в 21-й стрелковый полк, располагавшийся под Бердском, возле Новосибирска, а затем 22-й автополк, что стоял в военном городке Новосибирска. Весной 1943 года вместе со всем полком был отправлен на фронт и угодил в гаубичную 92-ю бригаду, переброшенную с Дальнего Востока, в которой и пробыл до сентября 1944 года, выбыв из нее по тяжелому ранению. Более в строй я не годился и начал мыкаться по нестроевым частям, которые то мне не подходили, то я им не мог пригодиться, пока не угодил в военно-почтовую часть, располагавшуюся неподалеку от станции Жмеринка, в местечке Станиславчик.

Слайд 43

Здесь я повстречал сержанта почтового отделения Марию Семеновну Корякину, сразу же после демобилизации 26 октября 1945-го женился на ней и поехал на ее родину, в город Чусовой Пермской (в ту пору Молотовской) области. Здесь же, в этом незабываемом городе, я попал работать в местную газету «Чусовской рабочий», затем недолго поработал собкором Пермского областного радио. Здесь же в 1951 году опубликовал в «Чусовском рабочем» первый свой рассказ. Он был замечен, и я начал заниматься литературным трудом.

Слайд 44

Когда в 1980 году Астафьев возвратился на родину, поселился в Красноярске и одновременно в родной деревне Овсянке обзавелся избой. «Моя заветная книга снова “зашевелилась” во мне, — вспоминал писатель, — я заметил в ней неточности, неизбежные оттого, что писалась она вдали от “натуры”, ощутил пропуски в книге и какие-то упущения памяти...» И рождаются новые рассказы, вносятся дополнения и поправки в ранние тексты. «Всё же жизнь пообтесал, острые углы пообпиливал, чтоб дорогие читатели... за них штанами не цеплялись и колени не ушибли. А ведь жизнь-то тридцатых годов не из одних веселых детских игрушек и затейливых игр состояла, в том числе и моя жизнь, и жизнь близких мне людей. Продолжались раздумья, воспоминанья, продолжалась во мне книга».

Слайд 45

Тяжелыми отметинами обернулись война, последовавшие за ней трудные годы выживания на Урале, в небольшом городке Чусовом и в крохотной деревеньке Быковке, где он не только рыбачил, но и, главное, много и плодотворно писал. Столь же удачным в творческом плане оказалось десятилетие, прожитое на Вологодчине и прежде всего в Сибле, деревне на берегу реки. Но возвращение на родину, в воспетую им Овсянку, завершило круг исканий. Астафьев как-то обмолвился, что, дескать, не потерял бы он в отрочестве связь с малой родиной, не тосковал бы о ней — не написал бы свои пронзительные страницы о деревенском детстве.

Слайд 46

В 1994 году в Красноярске вышла двухтомная повесть «Последний поклон», где автор вновь отказывается от деления рассказов на книги. Все рассказы стоят один за другим в том порядке, как в издании 1989 года. Зато в издании содержатся все 32 рассказа (20 и 12 соответственно в каждом томе), включая заключительные два. Книга 1994 года была радостным событием и для самого автора. В предисловии к изданию он пишет: «И вот впервые моя самая “толстая” и самая заветная книга издается полностью, уходит “мое дитё” под названием “Последний поклон” в люди, уплывает мой давний корабль в людское море. Встретивший меня как-то мудрый горец и славный поэт Кайсын Кулиев спросил: “Что же эпитафия-то снял?” — и сам себе ответил, грустно покачивая головой: “Понимаю. Книга переросла воспоминания детства”. Нет, книга ушла из детства дальше, в жизнь, и двигалась вместе с нею, с жизнью».

В. Распутин в переписке с Астафьевым провидчески заметил: Каждый из нас, если не на бумаге, то в памяти должен бить и бить свои последние поклоны. Хорошо, что вы сделали это на бумаге, подвигнув на благодарную память многие тысячи людей, которые... без вашей силы и искренности, без вашего магнетизма и не удосужились бы на эту память».

Слайд 47. Заключение

Фрагмент фильма «Где-то гремит война»